

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

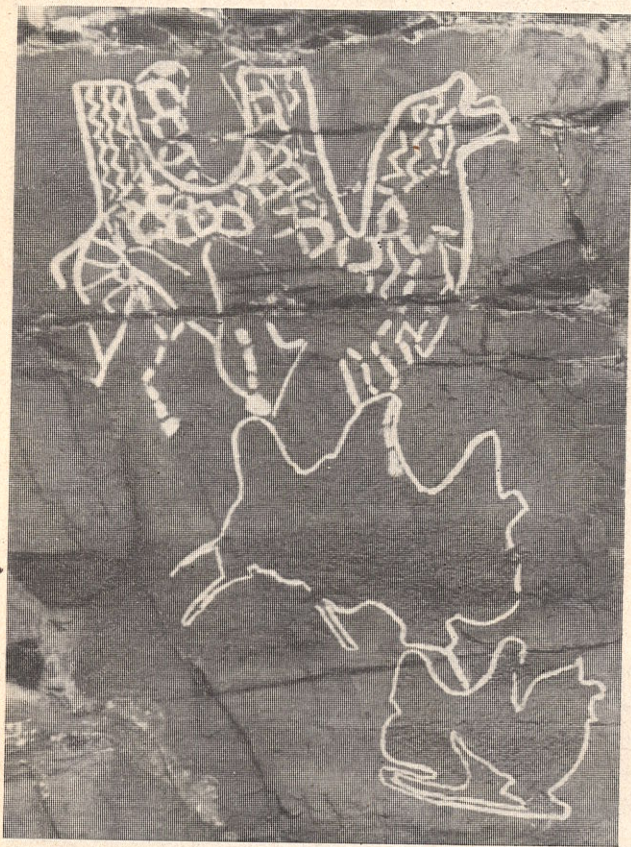

МОСКВА 1975

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

4. Урочище Аркар. Камень нижнего яруса с фигурами верблюдов. Верхняя пара выполнена в технике гравировки, нижняя — точечная

иллюстрации и краткому описанию не представляется возможным.

На этом же памятнике (родник Бохали) обнаружена вертикальная поверхность с композицией охоты группы людей на быка.

Среди новых стилистических изобразительных приемов следует прежде всего отметить изображения верблюдов, силуэт которых заполнен волнистыми линиями (рис. 1, 2). Как правило, эти рисунки, выполненные техникой глубокой гравировки, довольно сильно стилизованы. Патина рисунков темная, в цвет основной поверхности камня. Многие рисунки весьма изящны.

Наиболее сложен вопрос о датировках. В предыдущий сезон нам, как кажется, удалось датировать отдельную серию рисунков второй половиной I тысячелетия до н. э. Материал этого сезона (наскальные изображения Аркар и колодца Чиили) укладывается в те же хронологические рамки. Разница состоит в том, что новый материал стилистически отличается от исследованного в 1972 г.

Рисунки с волнистым заполнением соседствуют с рисунками-орнаментами, которые мы условно называем «дороги» (рис. 3). По технике исполнения и интенсивности пустынного загара они не отличаются от изображения верблюдов с волнистым заполнением и встречаются чаще всего рядом с ними. Пока трудно сказать, связаны ли они композиционно, или лишь располагаются рядом друг с другом. Несомненно то, что они либо одновременны, либо имеют очень небольшой хронологический разрыв. В свою очередь «дороги», несмотря на традиционность, весьма близки к орнаментике керамики эпохи бронзы. В дополнение следует упомянуть об одном камне в урочище Аркар, на котором один из пары верблюдов с некоторыми признаками скифо-сарматского стиля высечен поверх изображения верблюда с «усеченными» горбами и волнистой заштриховкой силуэта (рис. 4).

Все эти детали дают некоторые основания предполагать, что рисунки этого стиля могут быть датированы эпохой бронзы.

Т. Н. СМЕШКО

*

ТКАНИ В ОДЕЖДЕ ЮЖНЫХ ТУРКМЕН КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX В.

В 1973 г. Туркменская группа Среднеазиатской экспедиции продолжала сбор этнографических материалов по теме «Ткани в одежде туркмен в конце XIX—начале XX века», начатый в 1972 г. в Ташаузской области Туркменской ССР. Работа проводилась среди различных в прошлом племенных групп туркмен, изучались также музейные коллекции с целью выявления этнокультурных связей различных народов. Являясь элементом материальной культуры, ткани служат одним из источников изучения сложнейших этнических и культурных процессов, позволяют определить локальные особенности отдельных этнических групп.

Как свидетельствуют собранные материалы, для одежды южных туркмен в конце XIX—начале XX в. использовались ткани как местного производства, так и привозные, проникавшие в Туркмению благодаря развивающимся экономическим и торговым связям с Россией, Ираном, среднеазиатскими ханствами (Хивой, Бухарой, Кокандом) и Индией.

Прядение и ткачество были давно известны в Туркмении, оставаясь вплоть до конца XIX—начала XX в. занятием чисто женским, не выходящим за рамки домашних промыслов. Характерно, что исторически сложившиеся особенности хозяйства отличных по своему происхождению и образу жизни туркменских племен нашли отражение и в производстве тканей. Это можно четко проследить на примере ткачества скотоводов, связанных с кочевым и полукочевым образом жизни (таких, как прикаспийские и хивинские йомуды, сарыки, кызыл-пихи), и оседлых земледельцев, потомков древнего оседлого населения южной Туркмении (мурчали, нохурли, али-эли и др.). В то же время сочетание скотоводства с земледелием в комплексном хозяйстве многих туркменских племен обусловило сосуществование различных видов ткачества соответственно исходному материалу — сырью для выработки тканей, которым служила продукция скотоводства (шерсть) или оседлого земледелия (хлопок, шелк). Если в 1972 г. нами изучались северные туркмены, в прошлом неразрывно связанные со скотоводством, то в 1973 г. наше внимание было обращено в основном на оседлых земледельцев, потомков древнего оседлого населения Южной Туркмении. Здесь традиция производства шерстяных тканей, характерная для туркмен-скотоводов, соседствует с очень глубокой культурой шелководства, свойственной сугубо оседлому земледельческому населению. Из шерстяных тканей, используемых для одежды в конце XIX—начале XX в., до наших дней сохранились верблюжья армячина «чекмен» для мужских халатов того же названия, сотканые из овечьей шерсти обмотки «долон» и теплый пояс «кушок», а также кушак из козьего пуха. Все эти изделия, производство которых теперь стало крайне редким, но сохраняется еще в быту туркмен, связанных со скотоводством, ткнутся на примитивном узконавойном горизонтальном стане, аналогичном широко распространенному у других народов Средней Азии «ормеку»¹. В исследуемых нами южных районах Туркмении традиция производства шерстяных тканей свойственна тем туркменам, в хозяйстве которых до недавнего времени преобладало

¹ О технике изготовления шерстяных тканей см.: Т. Н. Смешко. Ткани домашнего производства в одежде туркмен северо-западного Хорезма в конце XIX—начале XX в. «Новое в этнографических и антропологических исследованиях», ч. 1, стр. 107—116.

скотоводство и связанный с ним полукочевой образ жизни. В основном это относится к туркменам теке (колхоз имени Горького Геок-Тепинского района).

Нами даже зафиксирован здесь действующий ткацкий станок, на котором производятся обмотки для ног, — примитивный станок, в прошлом применявшийся для изготовления всех шерстяных тканей. Интересно отметить, что оседлые земледельческие племена Южной Туркмении, такие, как мурчали, нохурли, али-эли, в хозяйствах которых скотоводство играло незначительную роль и было мало шерсти, этот станок совсем не употребляли. Мурчали, например, совершенно не обрабатывали и не ткали шерсть. Нохурли также покупали готовые шерстяные изделия у соседних племен: верблюжьих чекмени — у теке и гокленов, кушаки из овечьей шерсти — также у гокленов. В тех редких случаях, когда им приходилось в тяжелые годы войны или вынужденной изоляции обходиться своими изделиями, в Нохуре шерстяные ткани изготавливали на шелкоткацком станке, пропускающая один ряд основы через одну ремизу и используя для прибавания утка бердо — «гылыч», употреблявшееся в примитивном станке для производства шерстяных тканей. По свидетельству наших информаторов, в годы первой мировой войны нохурцы Кара-Кала изготавливали таким образом верблюжий чекмень для мужских халатов, а также для мужских рубах и штанов — в подражание русским военным гимнастеркам и галифе.

Чекмень в Кара-Кала ткали также из шерсти годовалого барашка «гузы» цвета мелле (натуральный цвет верблюжьей шерсти). Из овечьей шерсти нохурцы выделявали, кроме того, редкую и грубую ткань «шал». Из «шал» в полоску (темная и белая) шили мужские брюки. Из овечьей шерсти, окрашенной в красный цвет, производили ткань на мужские рубашки. «Шал» называли любую неплотную, редкую ткань. Так, в Нохуре делали «шал» из козьей шерсти — очень упругой и колючей. Обычно такая ткань (ее называли еще «гулачем») шла на покрытие войлочной накидки («ойдук») пастухов. Но в тяжелые годы, когда не было никаких других товаров, из нее, по воспоминаниям стариков, беднота шила даже мужские штаны и рубахи («чопыр балак», «чопыр койнек», «чопыр» — значит «дырявые»).

Не все скотоводы, имевшие шерсть, перерабатывали ее в своем хозяйстве и занимались ткачеством. Многие, видимо наиболее зажиточные, предпочитали продавать или обменивать скот на необходимые им товары, в том числе и на ткани и готовую одежду. Так, геркезы Кара-Кала и селения Чукур-кала славились ковроткачеством и кошмовалянием, хотя в небольшом количестве производили и шерстяные ткани. А туркмены ходжа селения Ходжа-Кала, по сведениям наших информаторов, были известны в округе мастерством своих прекрасных вышивок («кешде»)

по одежде, хотя сами ткачеством не занимались. Большинство же туркмен, взятых, нами для изучения южных районов Турк. ССР, в конце XIX—начале XX в. занимались и по сей день занимаются производством шелка и шелкоткачеством. Шелководство и шелкоткачество в Туркмении уходит корнями в глубокую древность. Установлено, что искусство разведения шелковичного червя было заимствовано в Средней Азии из Хотана не ранее V в. н. э., однако еще до начала VI в. оно распространилось не только в Фергане и Согде, но и в Мервском оазисе и Гургене у юго-восточного побережья Каспийского моря. На протяжении сложной многовековой истории туркмен производство шелка и шелковых тканей неоднократно подвергалось разрушению и захламлению. Однако, несмотря на это, культурная традиция народа сохранилась в веках и дожила до наших дней.

Наиболее развитая традиция шелкоткачества сохранилась на юге, у прямых потомков древнего оседлого населения Южной Туркмении нохурли, мурчали, али-эли, карадашлы, емрели. Здесь ткацкий станок «тара» можно было встретить почти в каждом доме, а само шелкоткачество приобрело товарный характер (хотя сохранилось в рамках сугубо домашних женских промыслов) и шелковая продукция находила сбыт далеко за пределами селений. Об устойчивости традиции шелкоткачества свидетельствует то, что в этих районах каждая девушка перед замужеством обязана была не только освоить все процессы прядения и ткачества, но и приготовить себе в приданое «сеп» — одежду из шелковой, реже — полупелюшковой ткани собственной выработки так же, как в скотоводческих районах было обязательно умение ткать шерстяные ткани и ковры и готовить себе в «сеп» определенный набор ковровых изделий.

Особенно славилась своим искусством туркменки племени мурчали. Отметим, что мурчали совершенно не умеют ткать ковры, как другие туркменские племена, вязать узорные шерстяные чулки, выделывать войлок, так как не умеют обрабатывать шерсть. Зато они издавна занимались шелкоткачеством, являясь в этом искуснейшими мастерами. Среди мурчинцев были даже специалисты красильщики «боягчылар» (название, сохранившееся в названии родовой группы по сей день), которые принимали от населения в окраску ткани, пряжу и пр. Имеются сведения, что они держали в отдельных комнатах десятки хумов с краской, особенно «гёк нил», который умели сохранять долгое время². Мурчинский шелк всегда считался одним из лучших в Туркмении. По качеству он был гораздо выше, чем у соседних шихов и нохурли, и пользовался большим спросом на рынке.

² Д. М. Овезов. Племя мурчали. «Труды ЮТАКЕ», т. IX. Ашхабад, 1959 г.

Своим мастерством в производстве шелковых тканей среди южных туркмен выделялись также гоклены. Об этом писали многие дореволюционные авторы, такие, как К. Боде, Ч. Валиханов. До наших дней сохранилось искусство шелкоткачества у туркмен нохурли (кишлак Нохур) и кызыл-шихов на юге Туркмении. Техника производства, а также все подготовительные процессы и сам станок («тара»), употребляемый для выделки шелковых тканей, мало чем отличаются (лишь в мелких деталях и последовательности процессов) и почти идентичны для разных районов Туркмении. Они подробно описаны у нохурли — Г. П. Васильевой, у мурчали — Д. М. Овезовым, у туркмен среднего течения Амударьи — А. Пиркулиевой³.

По технике выполнения все вырабатываемые туркменами шелковые ткани были простого полотняного или миткалевого переплетения. Нить утка обычно толще нитей основы — двойная. По расцветке ткани делятся на одноцветные, гладкие («кетени») и полосатые («донлук»). Интересно отметить, что термин «кетени», широко распространенный в быту туркмен для обозначения гладких шелковых тканей, — текинского происхождения и не дает представления о характере самой ткани. Он обычно применяется для обозначения ткани вообще. Так, говорят: «йупек кетени» (шелковая) и «йуплук кетени» (бумажная материя). У текинцев красное кетени («кызыл») употребляется на женские платья; в прошлом из него шили мужские праздничные рубахи молодежи. «Гызыл» и «яшыл» (зеленое) «кетени» идут на изготовление женских халатов-накидок («чырпы», «курте»). Раньше «чырпы» были также белого и желтого цвета («ак» и «сары чырпы»). В южных шелкоткацких районах приколпетагской полосы употребляют свои местные термины для обозначения каждого вида тканей. Наиболее популярная плотная, с одноцветной основой и утком темномалиновая ткань называлась «гырмызы» — по цвету ткани. Обычно она шла на изготовление женских платьев, отделку женских штанов («балак»), мужские рубахи и реже (как, например, у мурчинцев) на штаны. Часто «гырмызы» ткалась с цветным утком (синим или зеленым), что придавало ткани переливчатость; она называлась «ги дже-гундиз» (день-ночь), была популярна и употреблялась только на женскую одежду — платья, штаны.

У нохурли, карадашлы, емрели, мурчали шелк «гырмызы» с одноцветными основой и утком обозначался специальным термином «дараи». Он шел на самые дорогие и нарядные женские

³ Г. П. Васильева. Туркмены нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», 1. ТИЭ, т. XXI. М., 1954; Д. М. Овезов. Указ. соч., А. Пиркулиева. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX—начале XX в. Ашхабад, 1973.

платья. А «дарайи» без полос по кромке употреблялась на женские халаты — накидки «курте» (у мурчали и нохурли — красного цвета, у шихов — зеленого) и свадебные женские халаты — накидки у карадашлы — «башдон». «Дарай» без полос шла также на изготовление женских головных платков — «гыйнач». Переливчатая шелковая ткань из двухцветных нитей — зеленых или синих в основе, с обязательным темно-красным («гырмызы») утком — называлась в Атеке «жөвхер» и употреблялась как на женские платья, так и на мужскую одежду (штаны и рубахи), например, у мурчали. В других районах она называлась «совсаны» и употреблялась только на женские платья (теке, йомуды, приамударьинские туркмены). Из гладких шелков следует отметить также распространенные не только на юге Туркмении, но и в Хорезме емрелинские тончайшие малиновые шарфы «мадали» (одинаковые, в одну нить, основа и уток) и редкие, из самого низкосортного шелка «кесары» — темно-красного и розового цвета. И те и другие использовались женщинами для головного убора, а молодые мужчины употребляли их в качестве кушаков. На юге, у прикопетдагских туркмен для тех же целей употреблялся «тирме-гушак» — красного и зеленого цвета, с орнаментированными тканым (на том же шелкоткацком станке) узором концами и бахромой («сечек»).

Полосатые шелковые ткани («донлук») использовались для шитья халатов. Из них наиболее популярными у туркмен исследуемых южных районов Туркмении были «гырмызы донлук» — цвета «гырмызы», с узкими белыми и черными полосками и «сарылыдон» — красного цвета, с узкими желтыми полосками. Первая ткань шла на мужские дорогие халаты (для молодежи), вторая — на женские халаты. Чисто женской считалась ткань «чепбетов» — в широкую (0,5 см) желтую полоску по фону «гырмызы», с желтым утком. Из нее шили халаты для пожилых женщин.

Особо стоит «маллайы» — полосатая шелковая ткань на женские головные халаты-накидки («елек», «башдон»): темно-вишневого цвета («гырмызы»), в узкую (одна нить) белую и черную полоску у нохурли, карадашлы, мурчали и др.; зеленая, с узкой белой полоской у шихов. Среди полосатых тканей («донлук»), употребляемых на халаты, много полушелковых, с добавлением в основу и главным образом в уток хлопчатобумажных нитей. Из них, по нашим наблюдениям, в прикопетдагских районах Туркмении наиболее распространены «зейтуни» и «серенди»: первая по расцветке и назначению аналогична шелковой «гырмызыдон», вторая — аналогична шелковой «сарылыдон».

Производство и переработка хлопчатника на юге Туркмении известны с глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические данные. Однако в исследуемый нами период конца XIX —

начала XX в. своего хлопка здесь было мало. Узкая полоска культурных земель и небольшое количество воды в предгорных районах Копет-Дага позволяли заниматься в основном садоводством и огородничеством. Хлопок сеяли в небольшом количестве и перерабатывали лишь для нужд семьи. Чаще хлопок был покупной. Выработка хлопчатобумажных тканей производилась на том же станке с подножками («тара»), что употреблялся и для шелкоткачества. Все хлопчатобумажные ткани были полотняного переплетения. Обычно ширина их не превышала 33—35 см, за исключением некоторых сортов бязи. Бязь — грубый белый холст из некрашеной хлопчатой пряжи кустарного изготовления — называлась «акмата» или «биз» и употреблялась в основном для шитья мужских рубах и штанов. Выкрашенную в красный цвет «биз» использовали на женские платья и головные уборы, на кушаки молодых щеголей, в редких случаях — им же на рубахи и штаны (например, мурчали). Крашенная в синий цвет «биз» употреблялась на мужские рубахи и штаны, одежду мальчиков, а коричневая — на платья пожилых женщин. Из крашеной в красный цвет хлопковой пряжи ткали одноцветную, с двумя светлыми полосками по кромке ткань «алача», — на женские платья и рубахи молодых мужчин. Из пряжи двух цветов — красной и синей, чередующихся в основе и утке, получалась алача с выработкой в мелкую клеточку. Она употреблялась на платья пожилым женщинам. Кроме однотонных, производилось также большое количество полосатых хлопчатобумажных тканей для мужских и женских халатов: более яркие, насыщенные ярким цветом — для молодых, более сдержанные, приглушенные темным утком — для пожилых людей.

Остается отметить, что производство местных хлопчатобумажных и шерстяных кустарных тканей, постепенное угасание которого было вызвано притоком текстиля из России еще в начале XX в., в настоящее время практически прекращено в связи с изобилием более дешевых и красивых фабричных тканей. Исключение составляют такие исконные предметы шерстяного ткачества, как обмотки для ног и кушаки, незаменимые для пастухов, а последние еще для пожилых людей и женщин при выполнении различных тяжелых работ и после родов. При конкуренции и изобилии тканей промышленного производства устояло лишь шелкоткачество. Несмотря на высокую стоимость традиционной материи, халаты из шелковой ткани «гырмызыдон», женские платья и халаты-накидки из шелковой «кетени» по-прежнему популярны и являются неотъемлемой частью национального костюма. В настоящее время предпринимаются усилия для сохранения и развития местного шелкоткачества, продукция которого пользуется большим спросом у населения. В г. Бахардене (Бахарденский район) цех по производству национальной туркменской ткани

«кетени» в 1973 г. реорганизован в фабрику художественных промыслов с 5-ю цехами.

Продукция фабрики состоит из ткани «кетени» разных цветов («гырмызы», «яшил», «джовхер»), одноцветной ткани цвета «гырмызы», без полос по кромке — для сувенирных изделий и готовых швейных изделий: халатов (мужских и женских), женских платьев и сувениров — вышитых тюбетеек, галстуков, кошельков. Три ткацких цеха расположены в районе, в кишлаках Нохур (два цеха) и Караул (один цех). В них женщины работают на дому, получая от фабрики пряжу, краски, иногда станки, создавая готовую ткань. Мы посетили и фабрику-цех в Бахардене и ткачих-надомниц в кишлаках Нохур и Караул. Следует отметить, как очень положительное явление, сохранение и использование в наши дни местной традиции шелкоткачества, живущей в народе искони. В Нохуре и Карауле «тара» имеются почти в каждом доме. Раньше там были специалисты — «уста агачи» по производству деревянных частей ткацкого станка. Почерк их чувствуется и теперь. Почти все существующие станки — производства одного мастера.

Женщины в свободное от домашних дел время занимаются ткачеством. Им помогают девочки-подростки, с детских лет приучаясь к ремеслу и наследуя мастерство своих матерей и бабушек.

О тканях привозных, не туркменского производства, в полевом сезоне 1973 г. нам удалось узнать немного. Это в первую очередь ткани среднеазиатского происхождения — узбекские и таджикские. Судя по полевым материалам, в конце XIX — начале XX в. на юге Туркмении были широко распространены хивинские полосатые халаты «хывадон»; бухарские и кокандские полупелюшковые адасы, используемые на подбивку халатов, женские платья из тонкого абрового узбекского шелка «шои», попадавшие на туркменский рынок в готовых изделиях⁴.

О южных связях туркмен свидетельствует распространенная в то время в одежде населения прикопетдагских районов, привозимая из Ирана персидская набойка темно-оливкового цвета, с рыжеватыми бодомами. Она часто встречается на подкладке халатов в музейных коллекциях и в старинной женской одежде («чырпы»), сохранившейся в быту и по сей день⁵.

Популярны были также привозимые из Индии тонкие шелковые шарфы — фуляры, употребляемые в качестве женских головных платков.

⁴ Материалы Музея краеведения Туркменской ССР, № 44, 48, 220, 229, 242.

⁵ Материалы Музея изобразительных искусств Туркменской ССР, № 5822; Материалы Музея краеведения Туркменской ССР, № 196, 23 (1), 26, 28, 236, 216«0».

В конце XIX — начале XX в. на юге Туркмении нередко можно было встретить мужскую одежду из дорогого английского или русского сукна. Видимо, английского происхождения были привозимые из Ирана мужские шерстяные брюки в форме галифе из ткани «мандала». Из Ирана же проникали на юг Туркмении английский ситец «мумичит», употреблявшийся на мужские и женские рубахи, а также ситцевые набивные платки «айли яглык» с растительным орнаментом по красному или синему фону.

После присоединения Средней Азии к России особенно усиливается приток в Туркмению русского текстиля. В большом количестве прибывали хлопчатобумажные материи, сукна, плис, дорогие шелковые и парчовые ткани русского и западноевропейского происхождения. Широкой популярностью пользовались русские пунсовые платки. Миткаль и набивные ситцы употреблялись для шитья нательной одежды и подкладки халатов. Из дорогих шерстяных и шелковых тканей шили верхнюю одежду — мужские штаны и нарядные халаты⁶.

Естественно, что все привозные ткани стоили дорого и были доступны лишь самым состоятельным людям. Широкие народные массы обходились в основном тканями местного домашнего производства.

В. Н. БАСИЛОВ

*

ТРАДИЦИИ ЖЕНСКОГО ШАМАНСТВА У КАЗАХОВ

Среди описаний казахских шаманов (баксы), опубликованных в течение последних двух столетий¹, можно разыскать только два кратких упоминания о женщинах-шаманках.

⁶ Материалы Музея краеведения Туркменской ССР, № 16; Материалы Музея изобразительных искусств Туркменской ССР, № Т-192/3135, КП 5882.

¹ Библиографию работ по казахскому шаманству, очень неполную и включающую публикации, не относящиеся к теме, см. в кн.: И. А. Чеканинский. Баксылык. Следы древних верований казахов. «Зап. Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана», т. I. Семипалатинск, 1929. См. также: Е. А. Вознесенская и А. Б. Пиотровский. Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик. Л., 1929, стр. 80—171.

Т. Н. Смешко

ХАРАКТЕР ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У ТУРКМЕН ХОРЕЗМА

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛХОЗА «КОММУНА»
ТАХТИНСКОГО РАЙОНА ТУРКМЕННОЙ ССР)

В связи с разработкой темы «Скотоводство» для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» первоочередной задачей является описание традиционных типов скотоводческого хозяйства. В данной статье мы остановимся на характеристике животноводческого хозяйства у туркмен Хорезма, сведения о котором в работах дореволюционных авторов немногочисленны и фрагментарны¹. В наши дни к этой теме неоднократно обращались Г. П. Васильева, Ю. Э. Брегель, Г. Е. Марков².

Скотоводческое хозяйство в данном районе сложилось под влиянием особых природно-географических условий пустыни Каракум, занимающей большую часть территории Туркмении. Пастбища в каракумских песках считались одними из лучших в Средней Азии для зимовки скота. Естественно, что у туркмен, живущих на границах Хорезмского оазиса, скотоводство было одним из основных видов комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Здесь издавна выработался специфический тип отгонного скотоводства, связанный с выпасом скота на далеких пустынных пастбищах и сложной системой пользования колодцами. И в современных условиях у хорезмских туркмен наряду с новейшими методами ведения животноводческого хозяйства бытуют традиционные приемы выпаса и содержания скота. Характер скотоводческого хозяйства данного типа будет рассмотрен на материале, собранном автором среди туркмен-номудов в колхозе «Коммуна» Тахтинского района ТуркменССР³.

Первое место в животноводческом хозяйстве колхоза занимает овцеводство. Овцеводческая ферма расположена в 215 км к югу от так называемой «культурной зоны» колхоза, в районе колодцев Кырккуи в центре Каракумов⁴.

¹ Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства. «Записки Русского Географического общества», 1851, кн. 5; М. Иванин, Хива и река Аму-Дарья, СПб., 1873; А. Кун, Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г., ИРГО, 1874, т. X, № 2; О. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900; и др.

² См.: Г. П. Васильева, Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952; е е же, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963; Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX веке, М., 1961; Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен, М., 1961.

³ Автор принимал участие в работе Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1959, 1960, 1962 и 1963 гг. Собранный во время этих поездок материал частично использован Г. П. Васильевой в кн.: «Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане», М., 1969.

⁴ Кырккуи — по-туркменски «40 колодцев». В настоящее время действующих колодцев в этой группе значительно меньше, и колхоз пользуется другими колодцами, менее удаленными от оазиса.

В естественной котловине между холмами пустыни близко к колодцам стоят вытянутые в одну линию кирпичные и глинобитные домики чабанов, обслуживающих овцеферму. В этих домах, построенных на средства колхоза, живут постоянно около 20 семей. В поселке работают начальная школа, магазин. Дети старшего школьного возраста учатся в школе-интернате в центральном поселке колхоза. Ферма имеет радиосвязь с правлением колхоза. На автомашинах привозят в поселок необходимые продовольственные и промышленные товары, книги и газеты, а на овцеферму — нужные материалы и корма. Летом, в засушливые жаркие месяцы, самолеты доставляют туда «сладкую» (т. е. пресную) воду, овощи и фрукты для чабанов, а в культурную зону перевозят отары овец, чтобы избежать тяжелого, связанного с потерями перегона скота по знойной безводной пустыне.

Вода в Каракумах — это жизнь, а колодцы — центр жизни. Кыркуи, по преданию, выстроил некогда атинец Ак-Молла. Местные туркмены-иомуды своих колодцев в глубинных Каракумах не имели, а пользовались атинскими.

До Великой Октябрьской социалистической революции круглогодичное содержание скота в песках у далеких колодцев и связанные с ним затраты на строительство и восстановление колодцев были под силу только самым зажиточным баям, имевшим отары по 1000 и более голов овец. Так, Сабур-бай из Полласолтана держал на колодцах Дамла, Кыркуи и в районе Дарваза более 3,5 тыс. овец. Отары Сабур-бая круглый год находились в песках под наблюдением десяти чабанов.

Но баев, владевших таким большим количеством скота, среди местных иомудов было мало. Обычным для этих мест было сочетание в руках бая сравнительно небольшого количества скота со значительными по размерам и приносящими неплохой доход участками обрабатываемой земли. Один из самых богатых баев — Кылычгечели — имел около 500 голов овец, в хозяйстве второго по зажиточности бая, Аннадоулета, было всего около 150—200 овец, зато 100 танапов земли. Стада в 150—200 голов нецелесообразно было держать далеко в песках — их пасли обычно вблизи селения — «оба». На лето, до наступления жарких дней, стада отгонялись к колодцам, расположенным близко к границам оазиса (колодец Эгрикуи и Аджикуи находится в 45 км, а колодец Палванкуи в 50 км от «оба» Бедеркент; они были построены в разное время). Обычно для пестройки колодцев бай объединялись по двое: это было экономически выгодно, так как одного колодца хватало как раз для того, чтобы напоить два «сури», т. е. скот двух больших хозяйств (до 400—500 голов овец). Обычно колодцы переходили по наследству. Стада баев круглый год паслись у колодцев, только на время жары их пригоняли к озеру, расположенному на границе песков. Сюда же бай пригоняли свои отары и приглашали людей на помощь («комок») во время стрижки.

Средние по зажиточности хозяйства, владевшие небольшими стадами («бзлек») от 30 до 100 голов овец, обычно пасли скот на территории «оба» и лишь на летние месяцы, до наступления жары, выгоняли овец к озеру, чтобы обеспечить хороший нагул стада перед окотом и после стрижки.

Иногда середняки летом объединяли 3—6 хозяйств и создавали общее стадо (до 500 голов), которое отгоняли к ближним колодцам Аджикуи, Поллыккуи, а когда бай бросали свои летние пастбища, то и дальше — до Эгрикуи и Палванкуи. Колодцы выбирали в зависимости от того, где в этом году лучше травостой. Колодцами пользовались бесплатно — нужно было только получить разрешение хозяина.

Для совместного выпаса на колодцах или у озера каждое середняцкое хозяйство выставляло по чабану. Чабаны пасли скот все вместе

или отдельно, но должны были помогать друг другу, когда поили скот. Колодец, у которого паслось «объединенное» стадо, назывался «шарикли куи»⁵.

Бедняки, имевшие в хозяйстве от 6 до 20 овец, также нередко создавали общее стадо в 60—150 голов, называемое «чекене». Такое стадо зимой и летом паслось на территории «оба» и только в феврале, когда появлялась трава, отгонялось к ближнему колодцу. В конце мая трава вокруг колодцев сгорала и скот пригоняли обратно.

После революции колодцы долгое время оставались заброшенными. С 1940 г. пастбища в Кырккуи перешли в пользование колхоза им. Буденного, а с 1950 г., когда колхоз им. Буденного объединился с колхозом «Коммуна», эти земли стали использоваться колхозом «Коммуна». Колодцы Учаджи, расположенные в 5—6 км от Кырккуи, и Сазакли — в 21 км на юго-запад от «40 колодцев», также находятся в пользовании колхоза. В настоящее время на Кырккуи насчитывается 14 действующих колодцев, 3 — на Учаджи и 6 на Сазакли. Кроме того, чтобы обеспечить запас воды на летние месяцы, были построены две сардобы — специальные бетонированные сооружения в виде больших крытых цилиндрических резервуаров для сбора атмосферных вод. При обилии снега и весенних дождей вода в них сохраняется в течение трех-четырех месяцев. Воду из сардоб смешивают с колодезной и поят скот. При наличии большого количества осадков для водопоя используют воду из специально вырытых водосборных канав и дождевых ям на такырах — ровных глинистых пространствах пустыни и полупустыни.

Обычно вся пастбищная территория вокруг колодцев распределена между отарами. Количество скота, базирующегося на определенной группе колодцев, зависит от запаса и качества воды в них.

Так, на Кырккуи глубина колодцев достигает 12—14 м, на Аджикуи и Поллакуи — 25—26 м, на Тезекуи — 40—43 м, а на Сазакли — всего 3—5 м. При этом запасы воды в разных колодцах неодинаковы. Если на Тезекуи целую отару можно напоить водой из одного колодца, то на Кырккуи для такого же количества скота потребуется вода из двух колодцев, а на Сазакли — из пяти. Правда, вода в колодцах набирается довольно быстро, и за несколько часов до следующего поения они вновь полны.

В 1963 г. на овцеводческой ферме в Каракумах содержалось восемь отар овец: шесть отар овцематок («эне гоюн»), одна отара валухов («эркек гоюн») и одна — баранов-производителей («хвургоч»). Молодняк — баранчики («эркек гузы») и ярочки («уркачы гузы») — в первый год жизни содержатся в одной отаре с овцематками.

В прошлом местные туркмены разводили только одну породу овец с длинной (до 20 см) белой шерстью⁶. Теперь в колхозе разводят также и каракульских овец, известных раньше только в Узбекистане.

В 10—12 км к юго-западу от поселка чабанов находится зимнее помещение для скота («гоюн ятак»), представляющее собой углубление в земле на 0,5—0,75 м, перекрытое двускатной крышей, каркас которой сделан из досок и деревянных брусьев, переплетенных ветвями сазака. Снаружи крыша оштукатурена и покрыта толем. Помещение это, размером около 120 м², вмещает примерно 500 голов мелкого рогатого скота. Здесь построено четыре таких помещения. Еще четыре таких же помещения находятся на расстоянии около 30 км от Кырккуи и расположены таким образом, что образуют подобие замкнутого двора или загона. Внутри загона находятся помещения для ягнят («квурпеч»), представляющие собой круглую яму глубиной около 1 м и диаметром

⁵ От слова «шарик» — сообщник, сотрудник.

⁶ «Ак-гоюн» — местное название сараджинской породы овец. См.: «Колхозное животноводство Туркменистана. Под ред. В. В. Донченко и В. С. Манакова», Ашхабад, 1950.

1,5—2 м, окруженную загородкой из ветвей сазака. На ночь яма прикрывается для тепла ветвями⁷.

До революции баи, отары которых круглый год находились в песках, соорудили на зиму для скота специальные загородки «агыл» или «ятак» из саксаула. Середняки, чьи стада паслись у озера на границе песков, строили на зиму открытые загоны из камыша⁸ («гыш-ятак»), а в случае сильного снегопада и гололедицы нередко пригоняли овец в аул. Для таких случаев каждое хозяйство запасало верблюжью колючку («яндак»). Обычно же скот на «оба» пригоняли примерно в конце сентября, когда деревья начинали сбрасывать листву, а урожай бывал почти убранный. Днем скот выпасался на полях по жнивью, а на ночь ему давали верблюжью колючку. Поили овец из колодцев, вырытых на территории «оба». На зиму в «оба» делались «гыш-ятак» с глинобитными стенами или просто загородки из ветвей «сезгена» (род кустарника).

Теперь колхозные отары обеспечены на зиму теплыми и надежными помещениями, а на случай гололедицы или сильного снегопада создаются запасы сена и кормов, обеспечивающие бесперебойное питание скота. Зимой в Каракумах сохраняется много сухой травы, и овцы в хорошую погоду постоянно находятся на подножном корму. В снежную погоду овцы утоляют жажду только слизывая снег.

В это время овец поят обычно через 7—8 дней, а иногда раз в полторы недели. В таких случаях отара может удаляться от колодца на расстояние до 50 км, т. е. на расстояние примерно одного дня езды на верблюде. Это расстояние раньше считалось границей пастбищной территории («чдк-ора»), а все пастбище вокруг колодца до этой границы называлось «ври». Это была естественная граница территории выпаса, так как даже при самых благоприятных климатических условиях кочевник не мог уйти от колодца дальше «чдк-ора», не рискуя оставить скот без воды.

В бесснежные зимы овец пригоняют к колодцам через 2—3 дня. В самые холодные зимние месяцы (в январе, феврале) на пути прогона скота через каждые 5—7 км сооружаются временные загоны («агыл» или «гара-ятак»), в которые овец загоняют на ночь. Обычно такие укрытия сооружают где-нибудь в тихих, безветренных местах, чаще на хорошо прогреваемом солнцем южном или юго-восточном склоне бархана. Опытные пастухи прекрасно знают рельеф пустыни и из года в год используют естественные впадины и прежние стоянки с плотной подстилкой из прошлогоднего навоза. На пути прогона каждой отары имеется три-четыре таких загона. Если отара попадает в буран, а до ближайшего укрытия далеко, пастухи прогоняют стадо несколько раз по одному месту, чтобы освободить его от снега, а затем на это место ложатся овцы.

С наступлением тепла скот приходится поить чаще, в связи с этим постепенно сокращается радиус кочевания. Так, в конце апреля и в начале мая скот уже не угоняют от колодцев дальше чем на 10—15 км и пригоняют на водопой через день: утром отару ведут к колодцам, скот пьет и отдыхает, а вечером его опять угоняют на выпас. С наступлени-

⁷ Точно такие же ямы для ягнят имеются у скотоводов казахов и у полукочевых в прошлом узбеков. См.: Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, Сталинабад, 1954, стр. 110; В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западноказахстанской области, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 3, Этнография, Алма-Ата, 1956; И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана. Там же, Аналогичные помещения для молодняка бытовали и у киргизов под названием «кюпке». См.: К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 468.

⁸ Подобные зимние загоны для овец («киш кутан») описаны Б. Х. Кармышевой у локайцев. См.: Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 109.

ем жары переходят к каждодневному поению скота, а после 15 июня и до конца сентября скот выгоняют не дальше 5—8 км от колодца и поят два раза в день. В это время стадо пасется всю ночь, а к утру его пригоняют на водопой. Овцы пьют и ложатся отдыхать, а после обеда («гун орта»), когда спадет жара, их поднимают и снова поят. И только на закате («гун батанда»), с наступлением прохлады, отару выгоняют на пастбище и пасут всю ночь. Этот режим выпаса и поения скота сложился из векового опыта скотоводов в условиях пастбищ Каракумов.

С наступлением осени скот поят реже, и расстояние перекочевок вновь увеличивается. В середине сентября, когда по утрам появляется роса («чыг») и становится прохладнее, скот можно поить через 1—3 дня и отгонять его на 8—10 км от колодца. В октябре, с появлением инея («гыров») и началом заморозков, овцы пьют один раз в 3—4 дня и уходят более чем на 15 км от колодца. Постепенно перерыв в водопое овец достигает 5—8 дней, а отары приближаются к тем же выпасам, что и в начале марта.

Такое сезонное изменение радиуса кочевания позволяет сохранять и полнее использовать пастбища и тем самым обеспечить хороший нагул скота. Старые опытные чабаны строго следят за качеством пастбищ и соблюдением правил перекочевки. Обычно на одном месте отара пасется 2—3 дня, а если трава хорошая, то и 3—4 дня.

При плохом травостое перекочевывают чаще. На старое место стараются по возможности не возвращаться раньше чем через 20—30 дней. Обычно на места летних кочевок возвращаются только зимой, чтобы дать восстановиться за это время нормальному травостою.

Опытные пастухи точно знают все травы, идущие на корм скоту, помнят время и место появления каждого растения. Выбором пастбища и места стоянок при перекочевках обычно ведает главный чабан («баш-чопан»). Он же распределяет обязанности и руководит работой других чабанов. Каждое стадо, как правило, пасут четыре чабана: главный чабан, второй чабан и два помощника (третий и четвертый чабаны). Во время выпаса чабан со своими помощниками («чолуками») постоянно находятся при стаде, в то время как их семьи остаются на колодцах. Чабаны по очереди ездят к колодцам за продуктами, дровами, водой и одновременно навещают свои семьи. К каждой отаре прикреплены верблюды для перевозки палатки, продуктов и вещей чабанов, а также для доставки питьевой воды.

Колхоз бесплатно обеспечивает пастухов необходимым инвентарем, передвижными жилищами и спецодеждой. Место стоянки отары («гош») является как бы вторым домом чабанов. Здесь они проводят большую часть времени. В зависимости от дальности перекочевок чабаны не бывают на колодцах от 2—3 до 10—15 дней, а в зимнюю пору даже дольше. Все это время жизнь чабана связана с «гошем»: здесь чабаны отдыхают после работы, готовят пищу.

В организации водопоя овец принимают участие все чабаны. Один из них (обычно третий или четвертый) достает воду из колодца мешком («гова»), сделанным из козьей шкуры, вместимостью 3—4 ведра. Другой чабан воду из мешка выливает в большую колоду («нова»), сделанную из деревянных брусьев, длиной в 5—6 м. Такая колода рассчитана на 30—40 овец. Во время водопоя один из чабанов (обычно первый или второй) сдерживает отару, подпуская овец к «нова» партиями. Четвертый чабан смотрит за тем, чтобы напившиеся овцы не смешивались с теми, которые еще не пили. Весной, пока трава сочная, овцы напиваются быстро, а потом ложатся отдыхать. Летом овцы пьют очень часто; если вода горько-соленая, они и за несколько заходов не могут утолить жажды. Поить овец на колодцах чабанам помогают их семьи. В жаркие летние месяцы, когда овец поят ежедневно и

чабаны фактически живут с семьями у колодцев, ночью пасут только два чабана, двое же остаются дома, но к утру они должны наполнить колоды для питья водой. Затем, в продолжение всего водопоя, они достают воду из колодца и поят отару. В это время один из тех, кто дежурил ночью, идет отдыхать. На следующий день чабаны меняются. Весной, во время окота, когда отары редко приходят на водопой, чабаны почти не бывают дома.

Самое напряженное и ответственное для чабана время года — март—апрель — время окота («дель»). В этот период чабаны должны не только следить за нагулом и сохранением поголовья скота, но и обеспечить правильный уход за молодняком, не допустить потерь. Обычно во время окота овец, от которых ожидают приплод, загоняют в специальный загон из саксаула или содержат на ферме. Некоторые овцы ягнятся прямо на пастбище.

Первые 3—4 дня ягнят держат в специальных укрытиях («көрпеч») и подпускают к овцематкам только во время кормления — два раза в день. Еще через 3—4 дня, когда ножки у ягнят окрепнут, их выпускают в стадо, а через 7—8 дней они уже едят траву. Очень ответственным моментом в период окота является отбор ягнят каракульских овец и сдача их на приемный пункт фермы на каракулевые смушки. В это время на овцеферму в Кырккуи приезжают на помощь специалисты из колхоза.

До революции каждый хозяин метил своих овец надрезами на ушах — особой меткой («тагма»), которая никем не повторялась⁹. В настоящее время зоотехники также метят скот — проводят бонитировку. На левом ухе ягненка ставят метку, говорящую о качестве завитка (мелкий, средний и широкий), метка на правом ухе указывает на сортность (1, 2, 3 и элита). Особо метят также ягнят, полученных от овцематки, дающей в один окот двойню. Баранчиков, предназначенных для кастрации, отмечают, отрезая кончики ушей. Кастрация производится обычно через 10—15 дней после бонитировки. В настоящее время практикуется также искусственное осеменение скота.

Следующим после окота ответственным и наиболее трудоемким моментом в овцеводстве является стрижка скота, проводимая дважды в год — весной и осенью. Стригут обычно около колодцев. Из четырех чабанов каждой отары двое пасут стадо, а двое помогают опытным стригалям, присланным из колхоза. Семьи чабанов тоже помогают стригалям: дети стерегут скот, взрослые готовят пищу, заботятся об отдыхе приехавших на помощь колхозников. Мы наблюдали процесс стрижки недалеко от центрального поселка колхоза — на Караянаке, куда в связи с недостатком воды в пустыне из Кырккуи пригнали две отары овец. Стрижка происходила в зимнем помещении для скота, представляющем собой просторную (предназначенную для одной отары овец) прямоугольную площадку, огороженную глинобитной стеной высотой в рост человека. Задняя половина загона, примыкающая к жилому помещению, сверху защищена навесом. Сюда, под навес, чабаны загоняют овец, предварительно пересчитав их. Стригали находятся в другой половине загона, пол которого застелен широким брезентом, чтобы шерсть не загрязнялась и не втапывалась в песок. Несколько помощников, чаще всего молодых, вылавливают овец и подтаскивают их к стригалю. Чтобы овцы не вырвались и не мешали стрижке, ноги у них связываются — передние и задние попарно. Стригали кладут овцу на бок, а сами стригут, сидя на корточках. Для стрижки издавна применяются специальные железные ножницы

⁹ Г. И. Карпова, Родовые тамги у туркмен, «Изв. Туркм. ФАН СССР», № 3—4, 1945; Г. Е. Марков, Указ. раб.

с длинными концами («гыркылык»). Такие ножницы раньше выделялись местными кузнецами или покупались на базарах, и до сих пор их можно встретить почти в каждом доме. В песках от горько-соленой воды шерсть становится мягче и тоньше, а стричь ее значительно легче. Поэтому в Кырккуи некоторые специалисты стригут в день во время весенней стрижки по 70—80 овец. Вообще весной стричь гораздо труднее, чем осенью, так как в это время шерсть бывает длинная и густая. Осенью шерсть короче, и стричь ее легче: один стригаль в среднем стрижет за день по 60—70 овец, а лучшие — до 100 овец в день. Но с такой производительностью нельзя работать более 5 дней, так как при стригали не выдерживают напряжения. Вообще стрижка до сих пор остается одним из наиболее трудоемких процессов в животноводстве, настоятельно требующим механизации. Электроагрегаты применяются чаще всего осенью, когда шерсть менее длинная и грязная, чем весной.

В целом труд чабана остается очень тяжелым и напряженным, особенно при круглогодичном содержании скота в песках Каракумов, где от чабанов требуется не только большое умение и опыт в использовании пустынных пастбищ, но и большая физическая выносливость. Следует отметить, что в этих специфических условиях труда в народе издавна выработались соответствующие формы жилища и одежды, бытующие и в наши дни. Одежда пастуха прекрасно приспособлена к его кочевому образу жизни.

Традиционная туркменская юрта также до сих пор незаменима для чабанов. При перекочевках это универсальное легкое переносное жилище. Семьи чабанов на Сазакли и Кырккуи в летнее время предпочитают их зимним домам из сырцового кирпича. Летом в них светло и прохладно, легко регулируется приток свежего воздуха.

Раньше юрта была единственным жилищем для чабанов и их семей и устанавливалась обычно у колодцев, где постоянно жили семьи. Сам же чабаны во время выпаса скота летом отдыхали у костра под открытым небом, зимой ютились в низком помещении («чатма»), сооруженном на скорую руку из ветвей сазака и нескольких старых жердей юрты («уков»), покрытых сверху войлоком. Когда отары кочевали у озера, чабаны жили в шалаше из камыша («ятаг джай»). Чатма, внутри которого можно развести костер, до сих пор служит укрытием для чабанов зимой¹⁰. Ясно, что такое жилище, пусть даже временное, не может считаться удовлетворительным и не способствует хорошему отдыху и сохранению трудоспособности чабанов. Поэтому вопрос о создании легкого и удобного зимнего переносного жилища является особенно острым. Правление колхоза уделяет также большое внимание обеспечению чабанов теплой одеждой и необходимым снаряжением, следить за своевременным использованием ими отпусков. Забота об улучшении условий труда и быта чабанов неразрывно связана с задачей развития животноводства и подъема сельского хозяйства в нашей стране.

Мастерство чабана всегда очень ценилось и считалось почетным. Раньше оно передавалось по традиции от отца к сыну, теперь, когда потомственных чабанов стало меньше, опытные чабаны стараются обучить своему мастерству товарищей, передать им свои навыки. Следует заметить, что сохранению некоторых традиционных черт ведения животноводства сопутствуют различные пережиточные обряды и поверья, связанные с исламом, а часто с еще более ранними доисламскими представлениями, в прошлом пронизывавшими все стороны жизни скотовода.

¹⁰ Аналогичные ветровые заслоны широко известны у скотоводческих народов Средней Азии и Казахстана. См., например: Н. Г. Борозна, Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, в кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

До сих пор наиболее широко распространенными среди чабанов являются воспоминания о туркменском «пире» — покровителе дождя Буркут-баба и связанном с ним обряде вызывания дождя¹¹.

В противоположность отсталым предрассудкам и суевериям народный опыт и традиции могут быть обобщены и с успехом использованы в современном хозяйстве.

Большого внимания заслуживают астрономические и метеорологические наблюдения скотоводов. Благодаря многовековым наблюдениям за звездным небом удалось заметить определенные закономерности в движении светил, выделить целые циклы, связанные со сменой времен года, установить взаимосвязь появления тех или иных созвездий с изменениями погоды, что позволило создать в народе своеобразный календарь¹².

Считалось, например, что весеннюю стрижку следует начинать 7—10 дней спустя после захода Улькера¹³, что соответствует примерно первой декаде мая, когда устанавливается теплая, хорошая погода и овцам становится жарко. Кроме того, к этому времени шерсть у овец достигает наибольшей длины. Осенняя стрижка производилась после Мизана¹⁴. В это время весь скот, за исключением стад баев, находился на территории «оба», и каждый хазяин сам стриг и собирал шерсть со своих баранов.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод о том, что животноводство туркмен-иомудов Тахтинского района Туркменской ССР, основанное на выпасе скота вокруг колодцев в условиях пустынных пастбищ, может быть отнесено к одному из видов отгонного животноводства. Аналогичное описанному скотоводство было характерно, по-видимому, и для других пограничных с пустынями районов Хорезма. Судя по материалам Г. П. Васильевой¹⁵ и Г. Е. Маркова¹⁶, у туркмен Куня-Ургенча, Ильялы, Дарган-Ата и правобережья Амударьи в прошлом существовало отгонное животноводство данного типа. Причем в скотоводстве каждого из этих районов имелись и специфические черты. Так, если у иомудов Тахты и тесно связанных с ними ильялинских иомудов скотоводство в конце XIX — начале XX в. стало отгонным, у туркмен Куня-Ургенча в рассматриваемое время оно еще оставалось полукочевым. Однако по своему характеру — по технике и приемам выпаса скота на пустынных пастбищах — животноводство у тахтинских и ильялинских туркмен было однотипно животноводству у полуседлых туркмен Куня-Ургенча.

Современное отгонно-пастбищное животноводство в корне отличается по своей организации от скотоводства дореволюционного времени. Из отсталого, малопродуктивного, целиком зависящего от капризов природы, отгонное животноводство в условиях колхозного строя превратилось в одну из высокоразвитых отраслей социалистического сельского хозяйства.

¹¹ См.: В. Н. Башилов, О туркменском «пире» дождя Буркут-баба, «Сов. этнография», 1963, № 3.

¹² Космогонические представления и приметы народного календаря у туркмен находят аналогии с такими же представлениями других народов Средней Азии и заслуживают специального исследования.

¹³ Улькер — туркменское название Плеяд, одно из наиболее популярных у народов Средней Азии созвездий.

¹⁴ Мизан (Весы) — арабское название одного из месяцев года по народному календарю; соответствует туркменскому Терези.

¹⁵ Г. П. Васильева, Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.; ее же, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, стр. 145—146.

¹⁶ Г. Е. Марков, Указ. раб., стр. 197—198, 202.

FEATURES OF ANIMAL HUSBANDRY AMONG THE KHOREZM TURKMENS

The article deals with animal husbandry as practised by the Khorezm Turkmens. A special type of transhumance is described on data from the sheep breeding of a collective farm in Takhta District (Tashauz Oblast, Turkmen Soviet Socialist Republic) with brief glimpses into its past history. This type of transhumance is based upon pasturing the animals under desert conditions in the vicinage of wells. In our days under the peculiar conditions of desert pasture traditional nomadic skills with the use of wells are still extant and co-exist with the newest methods of animal husbandry and with modern organization of the shepherds' life; the pasturing experience of many centuries is thus made use of.

1955
№ 1
1-10
11-12
13-14
15-16
17-18
19-20
21-22
23-24
25-26
27-28
29-30
31-32
33-34
35-36
37-38
39-40
41-42
43-44
45-46
47-48
49-50
51-52
53-54
55-56
57-58
59-60
61-62
63-64
65-66
67-68
69-70
71-72
73-74
75-76
77-78
79-80
81-82
83-84
85-86
87-88
89-90
91-92
93-94
95-96
97-98
99-100

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1971 ГОДУ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

ТКАНИ В ОДЕЖДЕ КИРГИЗОВ ОШСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

Полевые исследования, проведенные автором сообщения в сентябре-октябре 1971 г. в составе Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции, позволяют в известной степени реконструировать традиционный киргизский костюм и ткани, бывавшие в одежде киргизов в конце XIX – нач. XX вв.¹⁾ Для изучения были выбраны четыре района Ошской области Киргизской ССР: Араванский, Ленинский, Ала-Букинский и Джангиджольский. Первый из них – Араванский – является одним из центральных районов Ошской области, расположенным на границе Ферганской долины, вблизи земледельческих оазисов Узбекистана, где киргизы живут не только в непосредственном соседстве, но и в тесном культурном контакте с узбеками. Остальные три района территориально очень удалены от первого и находятся на севере Ошской области, в предгорьях Чаткала, где киргизское население более изолировано от соседних узбеков, особенно киргизы Ала-Букинского и Джангиджольского районов (бывш. Джалал-Абадская область).

Материалы этнографического изучения народной одежды являются ярким свидетельством этнических процессов, происходящих на территории этих весьма разных по своим географическим условиям и историческим судьбам районов.

Одежда представителей старшего поколения является довольно стойким элементом материальной культуры и, несмотря на общую деформацию, которой подвергся киргизский костюм за последние полвека, может иллюстрировать собой в об-

1) Изучение традиционного киргизского костюма производилось во время экспедиции на основании исследования образцов старинной одежды, сохраняющейся в отдельных семьях, и по расспросам представителей старшего поколения.

щих чертах, особенно в покрое, традиционный народный костюм конца XIX – нач. XX вв. Что касается тканей, то ассортимент их претерпел большие изменения: многие ткани, названия которых сохранились в заметках информаторов или известны по литературе и музейным коллекциям, совершенно вышли из употребления, многие – популярны и по сей день наряду с новыми современными тканями. До сих пор сохранилась одежда, считая из тканей домашнего производства. Еще в начале нашего века, а также в послевоенные годы, широко употребляли сокмо и басма таар (валяное сукно), изготовленные из овечьей шерсти, ткань пийази – из верблюжьей шерсти, мала пахта – из хлопка. Пряжу для таар и пийази делали с помощью веретена ийик, а ткали на узконавойном горизонтальном станке бремек. Ткань таар была белой, коричневой (цвета овечьей шерсти) или в полоску и шла на приготовление мужских халатов чепкен и штанов шим. Из овечьей шерсти делали также очень прочные и теплые мужские халаты басма чепкен. Для басма чепкен сначала ткали на бремек из относительно свободной пряжи редкую, неплотную таар. Затем, ткань сшивали в две ширины и расстилали на циновке. Сверху на разостланную ткань посыпали слой мягкой коротко настриженной шерсти ягненка. Все это покрывали сверху рядом – сейрек, обварили крутым кипятком и скатывали тугим рулоном, которым потом валяли вручную и топтали ногами, чтобы пригладить и вкатать ворс. Процесс валяния называется басат, а полученная таким образом ткань типа сукна – басма таар¹⁾. Сшитый из такого сукна басма чепкен носят поверх одежды в качестве плаща. В холод и непогоду – это незаменимая одежда: не промокает от дождя и снега, не продувается ветром, хорошо защищает от холода и солнечного пропека. К тому же басма чепкен очень прочен, в качестве повседневной одежды носится пять-шесть лет.

Более дорогим и нарядным считается туя чепкен из ткани пийази. Пийази ткют из тонких, тугоспряденных нитей верблюжьей шерсти. Причем, берется пряжа двухсторонней

1) В отличие от басма таар, простая неваляная шерстяная армячина называется сокмо.

крутки - левой и правой поочередно; нить утка плотно прибивается, отчего ткань получается очень плотной с еле заметной выработкой в елочку. Такая ткань отличается тонкостью и прочностью и имеет дорогой и богатый вид. Более состоятельные киргизы шили из ткани пийази штаны шим. Из шерстяной пряжи ткали кушаки кур (из овечьей и верблюжьей шерсти) и портянки пайтава (только из овечьей шерсти). Кроме того, из непряденой шерсти (войлок кийиз) делали войлочные халаты для пастухов, известные на севере под названием киментай. Киментай не имел матерчатого покрытия и подкладки, в то время как халат такого же типа на юге области покрывался какой-либо тканью (наиболее часто употреблялся таар) и назывался ширдамад. Тонкий белый войлок шел на изготовление головных уборов для мужчин ак калпак, поля которых отделялись черным бархатом.

В традиционной киргизской одежде, как отмечалось выше, употреблялась также ткань из хлопчатобумажных ниток - мала пахта. Эта ткань типа бязи появилась в одежде киргизов под влиянием узбеков, славившихся производством хлопчатобумажного текстиля. На юге Ошской области (Араванский район), где киргизы уже сами освоили хлопководство, пряжу для мала пахта готовили на специальном приспособлении чарх, а ткали на станке дукон, заимствованными у узбеков. На севере же, где хлопководства еще не было, а пряжа была в основном привозной, мала пахта ткали на примитивном киргизском ормеке. Мала пахта ткалась в узкую полоску белого и бежевого цвета (цвет верблюжьей шерсти) и шла на изготовление легких мужских халатов для пожилых набожных людей и мулл. Более грубая хлопчатобумажная ткань, сотканная из толстой двойной нитки и окрашенная в желтый цвет (в отваре гранатовой корки или наростов тутовника), употреблялась для мужской верхней одежды на ватной стегке - пахта чепкен. Стеганный на вате мужской халат катта чапан покрывался также домотканной хлопчатобумажной тканью в полоску (аляк) или клетку (катак), производившейся южными киргизами по типу узбекских алача и отма. Широкое распространение в быту киргизов имела дешевая кустарная боз, покупаемая у

узбеков, а с начала XX века производимая самими киргизами из привозного (на севере) или выращиваемого в своем хозяйстве хлопка (на юге). Белая некрашенная боз шла на изготовление нагельной одежды - мужских и детских рубах и штанов, на подкладку ич под стеганные халаты, на женские шапочки кеп чач и даже на женские платья и турбаны элекек у наиболее бедных слоев населения. Цветная набойка из бязи чит, распространенная в качестве подкладки для халатов, приобреталась у узбеков; своего производства набойки у киргизов изучаемых районов не было.

Таким образом, можно отметить, что круг тканей домашнего производства в одежде киргизов был довольно ограничен. Причем, производство шерстяных тканей, связанное с кочевым скотоводческим хозяйством - исконным занятием киргизов, превалировало и было более древним по происхождению. Изготовление хлопчатобумажных тканей - традиция довольно поздняя, связанная с переходом некоторой части киргизов к оседлости и занятию хлопководством под влиянием оседлого узбекского населения.

Естественно, что в конце XIX - нач. XX вв. ассортимент тканей в киргизской одежде далеко выходил за рамки домашнего производства. Развитие торговли и экономических связей Киргизии с Россией, как и издавна существовавший товарообмен с крупными центрами Ферганы и Восточного Туркестана, ввели в обиход довольно большое число привозных русских, узбекских и кашгарских тканей. Кроме уже названных хлопчатобумажных тканей большим спросом у киргизского населения названных районов пользовались узбекские полупелюшковые (бекасам, тёркб, ак-аркак, башаи) и шелковые (шой, аляс) ткани, производимые в текстильных центрах Ферганы, Бухары и Коканда. Необходимо заметить, что эти ткани употреблялись как в женской, так и в мужской одежде, с той разницей, что на изготовление мужской одежды шли более темные (черный, синий и зеленый) сочетания цветов, тогда как цветовая гамма женского костюма была более яркой и светлой. В одежде молодых женщин и девушек обязательно присутствовали различные оттенки красного и желтого цветов, а одежда пожилых женщин шилась из тканей более приглушенных

и спокойных тонов. Полосатый бекасам и одноцветный тёркёшли в основном на покрытие верхней одежды – теплых чапанов, коротких (по бедра) кемсалеи, длинных (до колен) бешмантов, женских безрукавок – кальтача и распашных юбок – бельдемчи. Башаи и ак-аркак наряду с тёркёшли употреблялись на шитье женских платьев, при этом на юге области (Араванский район), по всей вероятности под влиянием узбеков, были популярны более пестрые и яркие ткани – бекасам и ак аркак. Так, женские бельдемчи шили из полосатого бекасама и яркого башаи, что было недопустимо у северных киргизов, где для бельдемчи предпочитали в основном черный бархат. Платья у южных киргизок большей частью шили из многоцветного с белым утком ак аркака, тогда как в северных районах Ошской области больше употребляли однотонные (красный, зеленый, желтый) тёркёшли или кызыл-башаи розовокрасных тонов, но приглушенных темным утком.

Шелковые ткани – пестрые абровые атласы и шои – в основном использовались киргизами для женской одежды. Из них шили платья и штаны для свадебного и праздничного костюма; более зажиточные слои населения использовали шелковые ткани для повседневной одежды. Для мужчин из этих тканей делали поясные платки – чарсы узбекского типа: красные – для молодежи; голубые, зеленые, белые – для пожилых мужчин¹⁾.

В связи с присоединением Киргизии к России и оживлением русско-киргизских торговых отношений период конца XIX – начала XX вв. характеризуется притоком в Киргизию тканей русского и европейского производства: таких как бархаты, плисы, золототканые парчевые ткани, дорогое сукно и дешевые русские ситцы, сатин, тик и другие хлопчатобумажные ткани. Очень ценился и был большой редкостью высококачественный с низким ворсом бархат – манат, который употреблялся на отделку для головных уборов (ак калпак), войлочного киментая, а также на изготовление мужских тубетеек

1) По сведениям наших информаторов, красный поясной платок повязывался на голову сыновьям покойного в день похорон и снимался после завершения похоронного обряда.

– такья, меховых девичьих и мужских шапок тебетей, женских головных уборов шоуколо и распашной набедренной одежды замужних женщин – бельдемчи. Только наиболее состоятельные люди могли позволить себе шить из бархата шубу на меху или женский чапан и кемсаль.

Очень популярными среди киргизов как юга, так и севера области были золототканые парчевые ткани кимкап (с крупным узором) и зарбоп (с более мелким узором), привозимые из России и частично из Восточного Туркестана. Свадебные халаты для жениха и невесты старались сделать из этих тканей, шоуколо также шили из парчи, ее же употребляли как ритуальное покрывало джапкыч для покойника. Как видно, эту дорогую ткань использовали для обрядовой одежды в особо важных случаях семейной и общественной жизни.

Большим спросом пользовалось добротное русское сукно, которое шло на изготовление стеганых и легких халатов, на покрытие меховых шуб, мужских и девичьих тубетеев и на женские бельдемчи. Весьма ценилось сукно красного цвета, которое получило в народе название "русский бархат" – урус манат.

Из более дешевых хлопчатобумажных тканей шили повседневную одежду. Однотонные темные хлопчатобумажные ткани – тринке, ластик, чит – шли на изготовление верхней одежды. Более яркие и многоцветные ситцы шалбар пользовались большим спросом женской части населения. Из него шили женские и детские штаны и платья. Пожилые женщины предпочитали одежду из белого с набивным рисунком ситца – чит, который употреблялся также в качестве подкладочного материала для халатов. Из полосатого тика шили мужские, женские и детские штаны. Красный сатин – лас – шел на изготовление женских поясов. Большой популярностью пользовались белые хлопчатобумажные ткани дака и истамкуль для мужской чалмы и элечеков.

Таким образом, привозные русские ткани пользовались большим спросом у местного киргизского населения, однако в этот период в отдельных районах Киргизии они не получили достаточно широкого распространения, с ними успешно конкурировали узбекские ткани, которые в то время наводняли среднеазиатский рынок.